

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ
НАУЧНОГО ПОДХОДА

© 2019 г. Н.С. Гусев

*Канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: gusevns@gmail.com*

*Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 18-09-00346.*

В данной статье на примере корреспонденции русских наблюдателей во время Балканских войн 1912–1913 гг. рассматривается потенциал изучения истории и культуры Балканских народов на основе источников, созданных русскими очевидцами. Указывается значимость исторических документов такого рода, приводятся возникающие сложности и пути их преодоления, намечаются возможные направления исследований.

In this article, on the example of correspondence of Russian observers during the Balkan wars of 1912–1913 the potential of studying history and culture of the Balkan peoples on the basis of the sources created by Russian witnesses is considered. The importance of historical documents of this kind is indicated, the emerging difficulties and ways of overcoming them are given, possible directions of research are outlined.

Ключевые слова: теория, Балканы, Балканские войны 1912–1913 гг., травелог, имагология.

Keywords: theory, Balkans, Balkan wars of 1912–1913, travelogues, imagology.

DOI: 10.31857/S0869544X0003667-6

В исторической науке обращение к наблюдениям иностранцев как к источнику по истории и культуре различных народов не является новаторством. Чаще всего такие источники задействуют специалисты по Средним векам, в силу чего подробно и тщательно разработана методология использования путешествий того периода. В Новое время количество подобных исторических документов возросло, правда, внимание сосредоточивалось в основном на европейских или экзотических восточных странах. Балканам в этом плане не везло — для Европы они принадлежали к Востоку («ориенталистская стигма», по выражению современного историка М.В. Белова [1. С. 527]), хотя настоящим Востоком и не казались в силу своей близости к Европе. Являясь мостом и границей между Ев-

ропой и Востоком, полуостров был периферией обоих миров и интереса вызывал мало. Но русско-турецкие войны, представление о религиозной, а затем и кровной близости побудили русских заняться изучением Балкан. Редкие и разновременные описания региона в первой половине XIX в. только начинали знакомить русское общество с жителями полуострова, которых часто романтизировали, в текстах прослеживаются черты, характерные для классических травелогов предыдущих эпох, что снижает достоверность данных [2–4]. Типологическое изменение русских описаний Балкан связано с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., когда эти источники перестали быть эксклюзивными, оваянными ореолом экзотического путешествия, а обыденность рождала внимание к деталям и спрос на достоверные сведения. Данный корпус материалов не единожды привлекался историками, на его основе защищена не одна диссертация [5–7]. Последовавшее развитие периодической печати, распространение телеграфа, свободное перемещение по Балканам привели к еще большей заурядности и массовости описаний региона, что дает историкам новые возможности, однако и создает новые сложности. К сожалению, нельзя констатировать, что исследователи всегда это учитывают, в связи с чем хотелось бы обратиться к данному вопросу и на примере русских текстов о Болгарии и Сербии во время Балканских войн 1912–1913 гг. указать на некоторые перспективы и опасности, подстерегающие при использовании этого типа источников.

Начавшаяся в 1912 г. война Болгарии, Сербии, Греции и Черногории против Османской империи была с воодушевлением и интересом принята русским обществом. Многие издания отправили на полуостров своих корреспондентов, оставивших немало описаний увиденного ими (см. [8–10]). При этом цензура, не допускавшая журналистов близко к линии фронта, препятствовала своевременному извещению публики о происходившем, но облагодетельствовала ученых – вынужденные хоть чем-то отчитываться перед редакциями, корреспонденты не только слали выдумки (чего тоже было предостаточно), но и описывали то, что им было доступно – а именно страны, царившие там порядки и жившие там народы. В связи с этим возник довольно массивный комплекс одновременных путевых заметок, в которых речь идет о сравнительно небольшом регионе, а это дает возможность сопоставления и сравнения информации.

Перед ученым открывается следующая перспектива. На основании имеющихся данных можно попытаться обрисовать объективную картину Болгарии и Сербии начала XX в. Здесь обращение к заметкам иностранцев позволяет заглянуть за фасад официальной статистики, законодательства и прочего, поскольку очевидцы наблюдали реальную жизнь, а не ее образ на бумаге, зачастую даже не подозревая, что идут вразрез или в полном согласии с официальной точкой зрения. При этом в данном случае обращение к источникам личного происхождения представителей изучаемого общества имеет ограниченный эвристический потенциал. Во-первых, в случае с источниками автокоммуникативными (дневники и т.п.) или с фиксированным адресатом (письма и т.д.) авторы отражают лишь то, во что были вовлечены, либо то, что оказало лично на них сильное влияние, а процессы, идущие фоном, не упоминаются. Так, например при сравнении отражения Балканских войн в русской прессе в 1912–1913 гг. и мемуарах русских современников заметна огромная разница – в последних упоминаниях о событиях на далеком полуострове в разы меньше. Во-вторых, мы не замечаем многих вещей, для нас привычных и само собой разумеющихся, и способны их увидеть лишь на контрасте, сопоставляя с уже имеющимся представлением о феномене. Это же отмечал отечественный филолог и культуролог Ю.М. Лотман, указывая, что норма для носителя культуры «не только очевидна,

но и порой незаметна», а «иностранцу же странной и достойной описания кажется сама норма жизни, обычное “правильное” поведение» [11. С. 677]. Балканские особенности различных явлений и процессов ярко выявлялись под взглядом русских путешественников, привычных к классической интерпретации того или иного европейского института. В качестве иллюстрации можно привести слова писателя Е.Н. Чирикова о демократических порядках Болгарии. Внешне эта страна обладала всеми традиционными атрибутами классической европейской демократии начала XX в.: конституцией, регулярными выборами, цензура отсутствовала и т.д., и автора поразила свобода обсуждения политических тем: «Рассказывают такие анекдоты, что я пугливо озираюсь по сторонам и все жду, что вот-вот сейчас подскочит господин средних лет и скажет: — Пожалуйте!». Но в то же время писатель признал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили: «Наша внутренняя политика всецело определяется внешней, и дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». Тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат» [12. С. 43]¹.

Большое значение имеет тот факт, что в данном случае мы говорим именно о текстах русских, а не европейских очевидцев. Для последних проще было представить образ жизни африканских племен, нежели балканских народов. Как заметил словенский антрополог и культуролог Б. Езерник, «Запад в целом никогда не был готов видеть Балканы такими, какими они являлись в действительности», а в текстах отражались «ностальгические проекции» [15. С. 9]. Русские авторы оказываются для исследователя более полезными в силу ряда причин. Во-первых, к началу XX в. многие путешественники и ученые побывали на Балканах, не один солдат в ходе русско-турецких войн посетил полуостров, многократно регион описывался в печати. К тому же сербы, болгары, черногорцы были не в диковинку в России, где учились, работали или жили. И, в конце концов, хотя и крайне стереотипные, но уже появились южные славяне в русской художественной литературе: серб Вулич в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова и болгарин Инсаров в «Накануне» И.С. Тургенева. Потому британские солдаты во время Первой мировой войны могли представлять албанцев альбиносами, а черногорцев — чернокожими, и считать, что от их смешанных браков «появляются дети, которых называют далматинцами, потому что у них черные и белые пятна» [15. С. 126], а русские — нет. В качестве доказательства можно привести следующий факт. Когда в 1912 г. сербы в печати активно доказывали европейскому общественному мнению, что нельзя создавать государство албанцев по причине их отсталости и дикости, то в подтверждение этого приводились различные доводы. В агитации в России использовалось немало аргументов [16–18], но не те, что привел сербский политик В. Джорджевич, обращаясь к европейской публике — в обоснование отсталости албанцев он упомянул сведения, согласно которым, еще в XIX в. у некоторых албанцев имелись хвосты [15. С. 84].

Во-вторых, соответствие действительности в русских описаниях намного выше не только в силу более тесного знакомства с южными славянами. Как неоднократно подчеркивал российский историк А.Л. Шемякин, «русский взгляд», основанный на конфессиональной близости и схожести ценностей, проникал глубже, чем «европейский», которому было присуще постоянное осознание собственного превосходства [14. С. 69; 19. С. 9; 20. С. 402]. И это замечали сами русские ученые и путешественники. Так, в XIX в. известный славист П.А. Ровинский, находясь в Сербии, утверждал, что иностранцы «на все явления народной

¹ Подробнее о русском взгляде на сербскую политическую культуру см. работы А.Л. Шемякина [13–14].

жизни смотрят издалека и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям» [21. С. 91].

Третье, что следует отметить, русских традиционно на Балканах привечали, пускали туда, куда европейцам вход был запрещен. «То, что недоступно в Сербии для каждого иностранца, вполне открыто для нас», — писал тот же П.А. Ровинский [20. С. 401]. В 1912—1913 гг. союзники при помощи цензуры старались избежать расклевывания своих планов и лицезрения европейской общественностью неблагодарной изнанки войны [22. С. 19—67]. В журнале «Нива» писали, подразумевая печать: «И турки, и союзники заключили между собой оборонительный союз против седьмой великой державы» [23. С. 1406]. Но и тут к русским было иное отношение. «Там, где иностранец не мог проехать, имя русского служило паспортом и рекомендацией», — словно вторил П.А. Ровинскому в журнале «Вестник Европы» журналист М.А. Осоргин [24. С. 314]. А позднее он вспоминал, что в Старой Загоре местный градоначальник выдал ему лучшую лошадь, ответив на вопрос об участии остальных корреспондентов: «Нам не до других, а вы — русский» [25. С. 526]. Ну, и наконец, языковой барьер не был столь высок, как в случае с европейцами, и позволял общаться с местным населением на различные темы, менее подбирая слова, а значит — менее обдумывая и отфильтровывая их.

В конечном счете русские травелоги позволяют нам уйти от сухого институционального анализа и понять, какими в реальности оказались балканские государства и общества в начале XX в., заметить детали, невидимые при иной исследовательской оптике. Стоит оговориться, что в данном случае большую ценность представляют не ограниченные по размеру газетные статьи, а развернутые описания в книгах или журналах, причем не только в силу объема, но и их аттрактивности — желания автора привлечь и развлечь своего читателя. Однако здесь следует учитывать, что создатели путевых заметок часто вольно или невольно придавали своим текстам типичные для произведений такого жанра черты, сближающие повествование с художественной литературой. У корреспондентов, являвшихся профессиональными военными, описание поездки походит на отчет, что делает картину более достоверной, но менее подробной. Таким образом, при работе с данным корпусом источников нужно учитывать цели создания текста: анализ ситуации на полуострове, желание развенчать мифы о балканских славянах, вызвать к ним сочувствие, поиск приключений, поездка по местам боевой молодости и т.д.

Однако здесь на пути исследователя возникает методологическая сложность. «В любом случае нам не следует ожидать от путешественников “фотографического” отчета», — точно описал проблему М.В. Белов [1. С. 521]. Авторы текстов никогда не бывают для нас идеальными проводниками в мир увиденного ими, а всегда являются призмой, через которую преломляется картина прошлого. И для того, чтобы полноценно задействовать эти источники, необходимо, по словам Ю.М. Лотмана, выявить «коэффициент искажения» [11. С. 683].

Советский этнограф С.А. Токарев отметил, что на рубеже XIX и XX вв. полевые исследования стали проводить профессиональные этнографы, которые уже имели в голове определенную концепцию и намеренно или неосознанно подбирали «фактический материал, который подкреплял эти взгляды, может быть, упуская то, что могло им противоречить» [26. С. 23]. В нашем случае на полуострове находились люди с ярко выраженными политическими взглядами — социалисты Ст. Вольский и Л.Д. Троцкий. Лев Давидович, чтобы сгустить краски, описал ужас и разруху еврейского квартала Софии, хотя наряду с лачугами там были и дома весьма зажиточных горожан; рассказывая о политической системе Болгарии, он назвал все партии, кроме Болгарского земледельческого народного союза [27. С. 82] — влиятельной силы, представлявшей крестьянское движение,

которое будущий нарком плохо понимал и воспринимал негативно [28. Р. 10–13, 17]. Ангажированным и нацеленным на чрезмерное выхолащивание сербской политической системы выглядит его же утверждение, что в королевстве Карагеоргиевичей партии не отражали внутренних «классовых интересов», а группировались по признаку русофильства и австрофильства [29. С. 52]. Однако после Боснийского кризиса 1908 г. публичное заявление о своей ориентации на Вену граничило с политическим самоубийством².

Авторы были предвзятыми и в силу симпатий к одной из сторон. В основе ее могло лежать этническое происхождение. Так, газету «Новое время» в Сербии представлял выходец из Боки Которской и друг сербского премьера Н. Пашича И.П. Табурно, от «Голоса Москвы» в Болгарии находился уроженец Македонии К.П. Мисирков, все три русских офицера-добровольца в болгарской армии, опубликовавшие затем свои впечатления в военных изданиях (И.Д. Чинтулов, Й.Г. Пехливанов и В.С. Везенков³) – этнические болгары. Кто-то же, как патриарх отечественной военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко, оказался на полуострове не впервые и давно определился с объектом своих симпатий⁴. Вдобавок на местах болгары и сербы окружали корреспондентов всяческой заботой, ожидая взамен благодарности. Сотрудник «Русского слова» И.Н. Калина⁵ писал в редакцию: «Здесь, в Болгарии, меня, напротив, постоянно упрекают в недостаточном болгарофильстве, нередко с возмущением цитируют выдержки из моих корреспонденций, ставят мне в пример всех других русских корреспондентов» [39. С. 252]. На симпатии журналистов мог повлиять и просто случай. Е.Н. Чириков описал свою встречу при отъезде из Лозенграда в Димитику с двумя русскими корреспондентами-офицерами: «Оба возмущены недоверием, пылают жаждой мести и грозят по приезде в Россию разоблачениями». Одного из них, «бывшего офицера русского генерального штаба», лишили права обедать при главной квартире, и он выражал свое возмущение: «И это в то время, когда я, имея возможность напасть, старался поднять дело Болгарии [...]. Я считаю это личным оскорблением! Как только я перееду границу, покажу им!» [12. С. 103]. Е.Н. Чириков не уточнил, кто это, но, по всей видимости, указанными лицами являлись возвращавшиеся в Софию В.Н. фон Дрейер и Н.П. Мамонтов. Последний, действительно, описал такую ситуацию [40. С. 164], но из обоих офицеров лишь полковник В.Н. фон Дрейер был сотрудником Генерального штаба, соответственно, именно он обещал Е.Н. Чирикову «показать» болгарам. После Второй балканской войны вышла его книга, в негативном ключе изображавшая Болгарию [41].

В итоге, например, каждый очевидец почему-то не видел жестокости, проявленной «своими», но зверства «чужих» фиксировал. В Софии уже после Чатаджинской операции и перерыва на переговоры зимой 1912 г. в ресторане «Панах» собрались представители российской печати. Как написал один из участников встречи, начав обсуждать увиденные жестокости, «разбиваются резко на два лагеря: один знает зверства только турецкие, другой – болгарские» [12. С. 139].

Указанная специфика травелогов о Балканах в переломные 1912–1913 гг. снижает их объективность и сближает с политической публицистикой, что негативно сказывается на достоверности сведений и усложняет работу исследователей. Однако выявление сознательных искажений текстов не представляет собой нерешаемой задачи, поскольку чаще всего причины их можно найти в биографии авторов. Сложнее же с неосознанными деформациями.

² Подробнее о его сербской корреспонденции см. работы А.З. Нюркаевой и А.Л. Шемякина [30; 31].

³ О них см. [32. С. 459–460; 33. С. 86; 34–36].

⁴ Подробный разбор его корреспонденции см. [37].

⁵ О нем см. [38].

Вышеупомянутый этнолог С.А. Токарев утверждал, что более точными, нежели у ученых, были описания путешественников, не знакомых с регионом, на что современный исследователь П.С. Куприянов справедливо возразил: «В одном случае искажающим моментом является научная концепция, а в другом — обыденные взгляды и представления, чаще всего неотрефлексированные» [26. С. 24]. И, как отметил российский историк А.В. Голубев, «восприятие может быть разной степени адекватности, но в любом случае опирается на стереотипы, составляющие основу менталитета» [42. С. 4]. Американский социолог У. Липпман писал, что попытка увидеть реальность «не как типы и способы обобщения утомительна, а если вы очень заняты, то она практически обречена на провал» [43. С. 103]. Корреспонденты на Балканах в 1912—1913 гг. пребывали далеко не в кабинетных условиях, располагающих к вдумчивым размышлениям. Постоянное передвижение, бытовая неустроенность, «борьба» с цензорами, война и холера приводили к подавлению мыслительных способностей. По выражению того же У. Липпмана, «именно тогда возникает “невыносимая тяжесть мысли”» [43. С. 89]. Автор отбрасывает рефлексии и начинает фиксацию на механическом уровне. Однако мыслительные способности человека далеко не безграничны, и в действие приходит принцип когнитивной экономии — мы видим то, что ожидаем в силу разных причин увидеть. Остальное же, не вписавшееся в магистральный образ, по нашей воле или помимо ее оказывается в «слепой зоне».

В то же время сам автор «слепую зону» может зафиксировать, но при этом не отрефлексировав, что проявляется во внутренних противоречиях. Так, Вас.И. Немирович-Данченко то утверждал, что жестокости никто не оправдывает, «сами болгары их знают, и лучшие их писатели, народные избранники, поэты [...] предьявят народу свои запросы о случившемся» [44. С. 114], то говорил, что все слухи о казнях мирного турецкого населения «оказывались злостною и подлою выдумкой венских лгунов» [44. С. 120]. Показательно описание г. Визы корреспондентом Н.П. Мамонтовым. По его словам, этот населенный пункт «немного пострадал от *турецких* (курсив здесь и далее мой. — Н.Г.) бесчинств», но тут же он пишет следующее: «на улицах города еще лежали трупы *турок*, обернутые лицом книзу» [40. С. 122].

Невозможность отрефлексировать не вписывающееся в стереотип приводило к поиску наиболее простого и удобного ему объяснения. Тот же Вас.И. Немирович-Данченко восхищался инициативой и героизмом воинов: «Один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и неожиданным появлением болгарского разъезда. Третий с таким же разъездом берет город» [45. С. 117]. Он позитивно оценивал подобное поведение, даже когда оно приводило к срыву стратегического плана, и эти последствия сам признавал [45. С. 107—110]. Таким и другим случаям правового нигилизма приводились разные объяснения. Например, народность, «отечественность» войны виделась там, где надо было ставить вопрос о подготовленности армии к войне и о работе интендантских служб: корреспонденты часто описывали солдат, облаченных в личную одежду, потому что «казенное добро недолго выдерживает непогоду» [46. С. 128], в узорчатые шерстяные чулки [47. С. 545], в опанки [48. С. 29]. О народном характере воинства говорит данное корреспондентом описание болгарских войск на смотре на фронте. Солдат, дабы легче было нести ружье на плече, подложил объеденный початок кукурузы под погон, к оружию были привязаны большие часы с маятником, адъютант же «имеет вид бабы в шлафроке» [46. С. 123—124].

Помимо личных предпочтений, политических взглядов и стереотипности мышления существовала еще одна причина расхождения описанного с действительностью, в которой наблюдатели уже виновны не были. Ею являлось прямое

давление властей. Так, посланник в черногорской столице Цетинье сообщал, что русские корреспонденты, находившиеся в стране, писали «едва ли не под диктовку» монаршего двора, чтобы поддержать «в известной части русского общества желательное королю Николаю настроение» [49. С. 39]. Схожая ситуация сложилась во взятом сербами Скопье. «Ежедневные реляции, составляемые сербским Pressebureau по поручению “верховой команды” и подносимые два раза в день корреспондентам, были не только далеки от истины, но по своей фантастичности, по смелости, с которой они составлялись, граничили с насмешкой», — писал русский очевидец, указывая, что при этом представители прессы воочию видели несоответствие сообщений реальному положению дел [50. С. 72–74]. И в данном случае обращение к травелогам, изданным в виде книг после возвращения авторов на родину, более «безопасно», хотя их и значительно меньше: к примеру, из 17 русских журналистов, получивших от болгарского правительства разрешение на пребывание в действующей армии [22. С. 180–183], лишь шестеро опубликовали свои фолианты, и еще один не нашел издателя [37. С. 33]. Если же мы желаем расширить свой круг источников и за счет корреспонденции, то вынуждены вновь обращаться к биографии авторов текста, выясняя, покинул ли он описываемую страну к моменту отправки статьи.

Путевые очерки являются многоплановым источником, и исследованием стран и народов, увиденных авторами, возможности их использования не ограничиваются. Как бы это ни ранило самолюбие историка, но тексты писались не для него, а для современников. Это рождает для нас еще один путь изучения травелогов — в нашем случае анализ представлений русских о Балканах.

Большинство описаний полуострова этого периода выходило в прессе, хотя и со значительным опозданием: корреспонденты, приблизившиеся к линии фронта, указывали, что в действительности телеграммы шли до ближайшего болгарского города не по проводу, а на буйволах [40. С. 56], срочные новости приходилось отправлять со специально нанятым курьером, вдобавок не стоит забывать о цензуре в стране пребывания. Благодаря этому, в путевых заметках сложно заметить изменчивость оценок тех или иных участников событий на Балканах, хотя она ярко выражена в статьях обозревателей газет и журналов того времени. Например, воспетый и восхваляемый за мудрость, любовь к России в 1912 г. болгарский царь Фердинанд после Второй балканской войны упоминался как «австриец на славянском престоле», нелюбимый народом и всегда ориентировавшийся на Вену⁶. Но чаще ответственность возлагалась лично на представителей власти и лишь изредка — на народ, потому отношение к нему мало коррелировалось с политической ситуацией.

Опираясь на этот массив источников, можно пытаться восстановить сложившиеся в русском обществе образы балканских народов и государств. Авторы очерков являлись частью того социума, для которого писали, и находились с ним в рамках единой парадигмы восприятия Балкан, поэтому они не только формировали представления о болгарях и сербах, но и ретранслировали уже сложившиеся, тиражировали существующие стереотипы. В силу этого возникает некий уроборос, где в бесконечном взаимовлиянии общества и отдельных его членов формируется образ Балкан и балканских народов.

Вдобавок нельзя не учитывать, что в случае с травелогами и статьями в прессе мы имеем дело с источниками, нацеленными на межличностную коммуникацию, причем с нефиксированным адресатом. Как справедливо отметил П.С. Куприянов, «создавая текст своего “путешествия”, автор неизбежно ори-

⁶ Об этом см. [51–53].

ентировался на ожидания адресата — читателя этого текста» [26. С. 25]. Для путешествий предыдущих эпох были характерны заимствования у предшественников, обращение к их опыту как к более авторитетному, а к описаниям — более искусным⁷. В начале XX в. читателя же интересовали новые детали и личный опыт автора, однако они не должны были затрагивать основ традиции восприятия региона, в том числе и Балкан. Продемонстрированное Н.И. Гасфельдом (по его же определению) «нелицеприятное изложение деятельности балканских народов», их потребительское отношение к России и к славянской идее, вызвало гневные отклики, и, видимо, именно из-за ожидания подобной реакции автор при публикации книги «скрылся» под псевдонимом «Шевалье». В рецензии в журнале «Исторический вестник» (близком к консервативной газете «Новое время») Н.И. Гасфельда обвиняли в том, что он, увидев сравнительно мало, сделал заключения, требующие глубокого знания дела. Следовательно, как указывалось, он был изначально предвзят, а его априорные взгляды «явно критически относятся к действиям балканских славян, заливающих в настоящее время своею кровью поля своих предков». «Едва ли теперь время односторонним суждениям придавать значение беспристрастных заключений», — наставительно заканчивалась заметка [55. С. 686–687].

Однако интеллектуальным мейнстримом дело не ограничивалось. Требовалось понимание ситуации и колебаний общественных настроений, чтобы угадать ожидания читателей, а вместе с ним — и издателя. Они уже зависели от политической конъюнктуры. Тут вновь можно обратиться к отношению к Болгарии после Второй балканской войны. Жена болгарского профессора и друга П.Н. Милюкова И. Шишманова Лидия в ноябре 1913 г. отправила в редакцию кадетской газеты «Речь» статью, в которой рассказывала о случайной встрече в поезде с сербским студентом. Передавая разговор и свои мысли, Лидия Драгоманова-Шишманова доказывала несправедливость распределения симпатий России — Сербия лишь пользовалась могуществом своей покровительницы, а Болгария, в которой повсеместен интерес и любовь к России, всегда зовется неблагодарной [56. С. 239–241]. Но статья, которая вполне могла бы появиться весной 1913 г., осенью того же года была нежелательна. «“Речи”, как органу, который обвиняли в болгарофильстве, не совсем удобно выступать с такими статьями», — ответил редактор газеты П.Н. Милюков своему болгарскому другу [57. Ф. 11К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 50].

С началом Первой мировой войны подобная самоцензура приобрела дополнительную силу. Корреспондент Петербургского телеграфного агентства в Болгарии Н. Сурин в частном разговоре признавал совершаемые сербами преступления при насильственной сербизации населения Македонии, но не предавал эту информацию огласке, «так как теперь не время». «Сербы — наши союзники, и все, что может ослабить Сербию, для нас вредно», — объяснял он свою позицию в личной беседе [58. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1782. Л. 1–1об].

Тогда же не могло выйти и дифирамбов болгарам. Это, по всей видимости, обусловило то, что очерк о Первой балканской войне, составленный бывшим добровольцем в болгарской армии Н.К. Самосеевым, так и остался в рукописи. Исходя из текста, он отправил его для публикации лидеру октябристов А.И. Гучкову уже после начала Первой мировой войны, а главной мыслью, выраженной в произведении, являлась высокая оценка боеспособности болгарской армии и необходимость привлечения ее на сторону Антанты [59]. Долго не могла выйти и книга слависта Н.С. Державина о македонском вопросе, в которой доказыва-

⁷ Например, см. про влияние традиции в описаниях Парижа XVII в. [54].

лась несостоятельность сербских притязаний на эти территории. Хотя литературы, освещавшей эту проблему с различных точек зрения, по весне 1913 г. публиковалось немало, осенью того же года денег на труд будущего академика никто не выделил. В конечном счете книгу издали в 1914 г. на средства, предоставленные болгарским правительством [60. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 2–6].

Официальной позицией и «чутьем» издателей, однако, причины следования общепринятой точке зрения на Балканы объяснить нельзя. Человек сам по себе подсознательно старается избежать изоляции и потому склонен не выражать своего мнения, если оно расходится с доминирующим в обществе. Указанный феномен немецкий социолог Э. Нозль-Нойман назвала спиралью молчания: «Спираль молчания закручивается тогда, когда люди, не желая оказаться в изоляции, постоянно наблюдают за своим окружением, подробно регистрируя, какое мнение убывает, какое распространяется, усиливается» [61. С. 381–382]. и эта спираль после Балканских войн особенно сильно сжалась.

В итоге авторы травелогов были вынуждены идти на поводу у своей публики, иногда дорисовывая ту картину, которую от них ждали, иногда — не изображая каких-то деталей, поскольку от этого зависели отношения к ним в обществе, тиражи и, соответственно, прибыли. В конечном счете создававшиеся произведения несли в себе не только информацию о Балканах, но и царившие в обществе стереотипы и представления о регионе. Как это ни парадоксально, тут недостаток источника превращается в его достоинство.

С направленностью на широкий круг читателей и тем фактом, что источник создавался в рамках определенной культуры и, следовательно, определенного дискурса, связана возможность исследования самой риторики. Так, интересно, что часто происходила подмена понятия «православные/христиане» термином «славяне», чем как бы игнорировалось участие Греции в Первой балканской войне. Однако, несмотря на меньшие симпатии к эллинам, объяснение указанного факту кроется в оппозиции этому термину, которым являлся «германизм», поскольку, судя по прессе, главным врагом Балканского союза выглядела Австро-Венгрия, а не Османская империя [62. С. 462]⁸.

Существует еще одно потенциальное направление исследования русских источников личного происхождения о Балканах — изучение русских нравов того времени. Поскольку «чужое» конституируется на основе «своего», и мы отмечаем лишь различия, то и факты, поражающие очевидцев, говорят не только о культуре описываемых народов, но и их собственной. В данном случае можно указать на удивление корреспондентов от отсутствия барьеров при общении между офицерами и солдатами в болгарской и сербской армиях [12. С. 77; 18. С. 78; 45. С. 248; 47. С. 545; 48. С. 47], равенство всех слоев общества, изумившее донскую казачку, посетившую Болгарию в 1911 г. [64. С. 6]. Иллюстрацией возможностей такого подхода к источнику также служит описание тыла болгарской армии, поразившего на фоне недавней русско-японской войны Вас.И. Немировича-Данченко. Он утверждал, что не было «ни пьянства, ни кутежа, ни разврата», «ни хриплых, распущенных девок особого сорта, выступающих в военное время в заплеванных кафешантанах, ни утренних переводов бешеных денег домой от щедрот обкрадывающих армию» [45. С. 57]. «Ни увеселений, ни музыки, ни песен, ни единого пьяного [...]». Нет даже граммофона и кинематографа! [...] В десять вечера полная тишина», — удивлялся Е.Н. Чириков [12. С. 91].

⁸ Эту же подмену отметила российский лингвист Л.П. Рупосова, но ее объяснение представляется неверным, поскольку было сделано вне контекста ситуации и основывалось на одном периодическом издании [63. С. 254].

Помимо сугубо исторического использования этих источников остается поле и для смежных дисциплин. Массовый характер описания Балкан в начале XX в. позволяет ставить вопрос о том, в рамках какой терминологии описываются южные славяне, проводить дискурсивный и контент-анализы и проч., но это уже предмет исследования специалистов из других областей науки. В конечном же счете, как мы видим, возможности подхода, условно назовем его, перефразируя А.Л. Шемякина, «Русские о Балканах и балканских народах», довольно широки. Однако необходимо учитывать тот факт, что приходится опираться на источники личного происхождения. А их создателям были присущи обычные людские недостатки стереотипность мышления, предвзятость и т.д. Список опасностей, подстерегающих исследователя в работе с этими материалами, увеличивается в силу того, что у нас довольно мало дневников⁹ и личных писем, в которых адресаты были более откровенны и могли не сверяться с настроениями общества или своего начальства. В большинстве своем мы вынуждены обращаться к травелогам, предназначенным для печати. Однако и тут сознательные искажения можно обратить во благо — они позволяют нам судить о той общественно-политической ситуации, в которой были созданы изучаемые произведения.

Таким образом, требуется отказаться от слепого позитивистского пересказа источника и в большинстве случаев обратиться к неочевидным фактам, найти то, что, говоря словами великого французского историка М. Блока, «автор дает нам понять, сам того не желая» [67. С. 37]. Русские описания Балкан и балканских народов, усыпанные подробностями и деталями, являются прекрасным материалом для этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Белов М.В. Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические апории // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., 2018.
2. Белов М.В. Славянская тема в путевом дневнике П. И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // Славяноведение. 2011. № 2.
3. Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половине XIX века // Славяноведение. 2012. № 4.
4. Белов М.В. «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // Диалог со временем. 2012. № 39.
5. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.
6. Сучалкин Е.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. В оценках российских современников. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.
7. Кочуков С.А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2012.
8. Гусев Н.С. Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.
9. Кострикова Е.Г. Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4.
10. Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
11. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
12. Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.

⁹ Едва ли не единственным счастливым исключением является дневник профессора П.А. Кулаковского за 1878–1881 гг. [65. С. 70–111]. В случае с Балканскими войнами 1912–1913 гг. пока ни один не известен. По предположению А.Л. Шемякина, секретарь русской дипмиссии в Белграде В.Н. Штрандтман писал свои мемуары, основываясь на дневнике, но этого документа пока не найдено [66. С. 19].

13. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5.
14. *Шемякин А.Л.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878—1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.
15. *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М., 2017.
16. *Лавров П.А.* Балканский союз и Сербия. СПб., 1913.
17. *Семиз Д.И.* Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.
18. *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.
19. *Шемякин А.Л.* Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
20. *Шемякин А.Л.* Post scriptum // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878—1920 гг. М., 2016.
21. *Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3.
22. *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военные корреспонденты през Балканската война от 1912—1913 г.). София, 1983.
23. Нива. 1913. 16 II.
24. Вестник Европы. 1913. № 2.
25. *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда. Воспоминания. / Сост., примеч. О.Ю. Авдеевой. М., 2007.
26. *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2.
27. *Станчев М., Чернявский Г. Л.Д.* Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008.
28. *Todorova M.* War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Journal of International Affairs. Vol. XVIII. № 2 (Summer 2013).
29. *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.
30. *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994.
31. *Шемякин А.Л. Л.Д.* Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912—1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013.
32. *Ганин А.В.* Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013.
33. *Станчев М.Г.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Харьков, 2016.
34. *Ганин А.В. И.Г.* Пехливанов — один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912—1913). М., 2012.
35. *Ганин А.В.* Българиянт защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.
36. *Пехливанова К.* Биография Йордана Георгиева Пехливанова / Публ. Гусев Н.С. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1—2.
37. *Гусев Н.С.* Патриарх отечественной военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // Studia historiae Bulgariae et Europaе Orientalis. К юбилею Т.В. Волокитиной. М., 2018.
38. *Шелудко Н.* Иван Николаевич Кашинцев (Калина) // Исторически преглед. 1967. Кн. 3.
39. *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908—1914. М., 2007.
40. *Мамонтов Н.П.* с болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913.
41. *Дрейер В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914.
42. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.
43. *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.
44. *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XV.
45. *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV.
46. *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913.
47. *Сахаров М.В.* С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
48. *Мартынов Е.И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.

49. *Хлебникова В.Б.* Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // *Славяноведение*. 2015. № 1.
50. *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.
51. *Гусев Н.С.* Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // *Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.* М., 2014.
52. *Иванов А.А., Ренников А.В.* «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // *Новейшая история России (Modern history of Russia)*. 2014. № 3.
53. *Котов Б.С.* Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // *Новая и новейшая история*. 2015. № 3.
54. *Федоров С.Е.* «Увидеть Париж и...»: путевые заметки юного англичанина // *Одиссей: человек в истории*. 2009.
55. *Исторический вестник*. 1913. № 5.
56. *Гусев Н.С.* Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. // *Дриновски сборник (Дриновський збірник)*. Харків; София, 2017. Т. X.
57. Научен архив на Българската академия на науките (НА-БАН).
58. Государственный архив Российской Федерации.
59. *Гусев Н.С.* Неизвестный очерк о Болгарии периода Балканских войн 1912–1913 гг. // *Bulgatica, slavica et rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной. М., 2019 (в печати).
60. Централен държавен архив на Република България (ЦДА).
61. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
62. *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // *Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности*. М., 2011.
63. *Рупосова Л.П.* Лингвистические средства оценивания события и его участников (на материале публицистических источников периода первой и второй Балканских войн (1912–1913 гг.)) // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность*. М., 2015. Вып. 3.
64. Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914.
65. *Кулаковский П.А.* Дневник // *Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства)*. М., 2014.
66. *Шемякин А.* «Балканские воспоминания» Василия Штрандтмана // *Родина*. 2014. № 8.
67. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973.